

Обзоры, объявления, сообщения

**«ТВОРЧЕСКИЙ МИР МИХ. ЛИФШИЦА
И СОВРЕМЕННОСТЬ:
НАСЛЕДИЕ, КОТОРОМУ ПРИШЛО ВРЕМЯ»**

Санкт-Петербург. Социологический институт РАН.
23 – 24 мая 2013 г.

А.Г. ЩЕЛКИН

Трудно предположить, что автору, который всю свою сознательную жизнь считал, что «вопреки ходячим фразам нашего века абсолютная красота существует так же, как абсолютная истина», что этому автору именно в «наше время» грозит популярность, а тем более все возрастающий интерес к его творческой персоне. Оно и понятно: чудес не бывает. Чудес не бывает, но происходят вещи посильнее чудес. Есть жизнь, которую не обманешь: вы промолчите – камни возопиют.

Мих. Лифшиц всю жизнь бил в одну точку с позиций аутентичного марксизма, того самого марксизма, которого сегодня не сыскать днем с огнем по причине пандемического распространения постмодернистской парадигмы. И поскольку легкой жертвой этой «анархической» парадигмы стали «посттоталитарные» либералы, то противостояние Мих. Лифшица и сторонников подобного либерализма происходило в довольно непривычной и даже сбивающей с толку идейной системе координат: Лифшиц с его идеей «народа», «демократии» и гегелевской «разумности действительности» versus либерализма, в котором нет места подлинно народному началу и где в атмосфере «последиктаторской свободы» исчезли цивилизационные нормы и «объективные инстанции» мира («инстанции Ф. Бэкона»). Почти в одиночку он бил в одну точку и был, как легко догадаться, чаще всего непонят, обруган и даже оскорблен подозрениями в небескорыстном и тайном сотрудничестве с советской властью. Все было. Вот пример, ставший уже хрестоматийным. Солженицын, который во многом обязан Лифшицу публикацией «Одного дня Ивана Денисовича», назвал впоследствии Лифшица «ископаемым марксистом», на что тот ответил, что ископаемые бывают полезные, и уж лучше быть ископаемым марксистом, чем ископаемым защитником реставрации Бурбонов. А сейчас мы бы добавили: чем ископаемым националистом и таким же религиозным фундаменталистом.

Сегодня, однако, философская ситуация такова, что творчество Мих. Лифшица не нуждается в «автореабилитации». Сегодня к идеям этого глубокого и «последнего марксиста» – а лучше сказать, и «последнего гегельянца» – потянулось, как говорится, сообщество отечественных интеллектуалов. Еще более показательный симптом – к Лифшицу потянулась молодежь. И совсем неожиданный аргумент – «оппоненты»

Лифшица еще по «советским временам», насмотревшись «современности», вдруг заговорили в духе того, кого они третировали как «догматика» и отставшего от жизни ученого. Достаточно не полениться и почитать последние произведения Ю. Давыдова, П. Гайдено, А. Гулыги, Г. Померанца и, возможно, других авторов.

Скорее всего, именно в русле этого меняющегося мейнстрима может рассматриваться и проведенная в Петербурге 23 – 24 мая в Социологическом институте РАН конференция *«Творческий мир Мих. Лифшица и современность: наследие, которому пришло время»*. С инициативой проведения конференции выступили профессора Виктор Арсланов и Александр Щелкин. Первый известен как ученик Мих. Лифшица, активный издатель его произведений и организатор постоянного лифшицевского семинара в Москве. Второй, Александр Щелкин, давно работает в парадигме идей Мих. Лифшица и, в частности, анализирует с этих позиций феномен «децивилизации» и постмодернистский уклон современной культуры.

Организаторы конференции давно подозревали, а опыт ее проведения это убедительно подтвердил: мир идей Мих. Лифшица, оставаясь трудным для освоения, тем не менее, подспудно отвечает большим человеческим потребностям, которые часто в сегодняшней неприспособленности разменены на квази-цивилизационные субституты. Потребность в Лифшице магнетического и интуитивного рода. За ней стоит своеобразная ностальгия по утраченному присутствию в мире таких «регулятивных принципов» и неконвертируемых, нерелятивизированных абсолютов, как Истина, Добро, Красота. В этом смысле линия Лифшица – это стратегия на удержание «классики» человеческой мысли, в которой зафиксированы социальные, исторические, культурные «взлеты» и «жизнеустройства», которые имеют то отличие и преимущество от случайного, фактического, контингентного, «происходящего», что она, классика, выражает и соответствует «полноте», «природе» вещей, «моменту истины», одним словом, всему тому, что на забываемом языке гегелевской онтологии называлось «бытием-для-себя». «Линия Лифшица» – это своевременное напоминание, что «постмодернистская» современность совсем не исчерпывает высших и лучших возможностей социального бытия, а в отдельных и «эксклюзивных» эпизодах эта реальность, скорее, напротив, есть «девиация», чем «норма», есть именно «самопотакающая себе» реальность, чем *действительность*, которая, по определению, «собирается», «конструируется» не по «инфляционному», «энтропическому» и «самопотакающему» сценарию, а, наоборот, по закону «повышения бытия», т.е. обнаруживая все признаки цивилизованности и разумности последнего. Основатели постмодернистского разочарования в разумности социальной практики и истории «эпохи модерна», конечно, правы как свидетели текущих эксцессов и деградаций – особенно в культурно-экзистенциальном экспериментировании. Но жить и довольствоваться этой маленькой правдой означало бы, выражаясь по-аристотелевски, удваивать эту и без того неряшливую, если не гнусную *реальность*, «легитимизировать» ее в общественном вкусе и мнении. Не такова позиция Мих. Лифшица. Его

взгляд на «повышение бытия» (Гёте) не уступает в ригоризме поспешной трезвости постмодернистских авторов. В чем-то он еще более суров, поскольку признает и принципиальную неразумность социального мира и его рядовых устроителей. Но... это, на языке классики, всего лишь плата за успех и победу на поприще Разума. Вот слова Мих. Лифшица, которые стали своеобразной эмблемой петербургской конференции: «Всякое развитие связано с утратами, истинный прогресс измеряется тем, насколько способен человек преодолеть отрицательные последствия собственных завоеваний». Опытный читатель, возможно, вспомнит, что это почти парафраз из недавней классики, на которую не стыдно и сейчас сослаться: «Нет такого великого исторического бедствия, которое бы не возмещалось каким либо историческим прогрессом» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 39. С. 130).

Но не только этим интригует сегодня творческое наследие Мих. Лифшица. Его неприятие модернистского (читай: постмодернистского) скепсиса и цинизма опирается на тот онтологический базис, который до Лифшица и Лукача удачнее всего выражался, можно сказать, поэтическим языком немецкого классического идеализма. Лифшиц совершил «коперниковский переворот». Для многих это был шок. Пишущий эти строки помнит как удар грома пассаж Лифшица, который поправил философского кумира 1970-х Э. Ильенкова в главном: «Идеальное есть везде, в том числе и на Луне, или же его нет нигде». «Антропофилия» и пафосный гуманизм «деятельностного» и «социального» подхода правил бал в ту эпоху либерального шестидесятиничества. Все для человека, все от имени человека! «Пламенеющий субъект» был альфой и омегой младомарксистов после XX съезда КПСС. Думалось, что «ранний Маркс» — это и есть подлинный гуманизм марксизма. Лифшиц умнее и фундаментальнее Альтюссера развернул экспозицию философии XX столетия. Не пересекаясь с А. Кожевным, он начал Великое Возрождение (Restauratio Magna), программы, которая для простоты может быть названа «Что такое классика?»

Приглашая на конференцию, посвященную творческому миру Мих. Лифшица, ее организаторы до известной степени рисковали. Реанимирующий эффект того, что сделал этот «последний римлянин» классической философии, действительно интригует и искушает. Но, вот, в чем собственно могла бы быть подлинная рецепция лифшицевского наследия со стороны ныне живущего интеллектуального и социально активного поколения — это уравнение со многими неизвестными. Ясно одно: только интриги и искушения как стимула и мотивации маловато. Это как благое пожелание, оно — хороший завтрак, но плохой ужин. Вроде бы нетрудная и даже простая мысль Мих. Лифшица для «современников», погруженных в модерн как «натуральное состояние», остается довольно интеллектуально-перегруженным образованием. Автору этих строк припоминается характерный эпизод, когда будучи еще студентом, он написал в курсовой работе знаменитые слова Маркса, которые лежат как кредо в лифшицевской онтологии, «онтогносеологии» («Не только мысль должна стремиться к действительности, но и действительность должна стремиться к мысли»), — так вот на это один из крупных (уже

тогда) социологов написал на полях курсовика, что это, мол, ничего не значащая метафора, почти литературный оборот речи. А что говорить о простых смертных?

Конференция в чем-то подтвердила эти опасения, а в чем-то, слава богу, обнадежила. И то правда. Притом, что сам Мих. Лифшиц демонстрировал универсальную философскую эрудицию, и его собеседниками были корифеи античной мысли, средневековой схоластики, Нового времени и, конечно, немецкой классической философии, он, решая вопрос о том, что *идеальное* — это не только и не столько характеристика нашей мысли, сколько состояние и предикат самой *действительности*, что *норма* — это совсем не привнесенное со стороны субъекта требование к объекту, а есть то состоянье вещи, которое соответствует *природе* этой вещи, и что *понятие* вещи есть синоним ее *нормы, природы, истины, сущности, идеала*, — интересно, что во всех этих случаях Мих. Лифшиц опирается не только на корпус мировой философски отрефлексированной мысли. Он берет в союзники правду повседневного языка, в котором отложились смыслы и содержание, проверенные практикой и созерцанием, которые сопровождают многовековую жизнь людей. Мы говорим «*по идее*», и это означает, что мы имеем в виду, что «*идея*» — это опять же синоним *нормы, природы, истины, сущности, идеала той или иной реальной вещи*. Мы говорим «*по определению*» и вновь имеем в виду не нашу субъективную способность давать налево и направо всякие определения, а тот случай, когда предмет соответствует своему определению, т.е. повторим: своей *норме, природе, истине, сущности, идее*. К этому синонимическому ряду примыкает и «*идеал*» и «*идеальное*», которые только в банальном и поверхностном сознании употребляются для обозначения *несбыточного, нереального*, а на самом деле означают, что есть вещь «*по своей идее*», по своему *природному замыслу*, по своей *сущности*, а значит по своей опять же *норме*. В этом смысле упования энтузиастов дела и линии Мих. Лифшица — это упования и на великого реалиста, каким был и остается естественный язык человеческой жизни и общения. Это, как уже говорилось выше, обнадеживает.

И прежде чем прокомментировать характер и уровень КПД конференции, еще одно предуведомление, проливающее свет на смысл и значение «феномена Лифшица», который стоически и долгое время держал сопротивление против той сокрушительной болезни нашей цивилизации — болезни, для характеристики которой можно позаимствовать словарь героев Ф. Достоевского: «Я перед вами ничего не утаю, — говорит монах Тихон своему собеседнику Ставрогину. — Меня ужаснула великая праздная сила, ушедшая нарочито в мерзость». Против мерзости «децивилизации», мерзости «варварства в условиях цивилизации» Мих. Лифшиц и держался стратегии *Restauratio Magna*, Возрождения Классики: «Не только мысль должна стремиться к действительности, но и действительность должна стремиться к мысли». А она, действительность, как-то на глазах оппортунистически сбегает в облегчение, от которого проигрывают все — и сильные, и слабые мира сего; и «включенные», и «исключенные». «У нас украли цивилизацию», — пророчески скажет в середине XX столетия Ортега-и-Гассет. Так вот, чтобы не украли цивилизацию...

Чтобы не украли цивилизацию, люди доброй воли собираются вместе. Может быть, этим «вместе» стал их дебют на конференции «Творческий мир Мих. Лифшица и современность: наследие, которому пришло время». Программа конференции включала в себя разделы, которые отражали большую масштабность научных интересов этого уникального и выдающегося ученого, те направления и области, в которых Мих. Лифшиц оставил заметный след.

23 мая 2013

Философия

Арсланов В. (Москва). «Restauratio Magna» Мих. Лифшица: единство политики, философии и культуры.

Тулчинский Г. (СПб.) М.А. Лифшиц и современный постсекуляризм.

Муравьев А. (СПб.) Философская генеалогия Мих. Лифшица.

Лагурев А. Материалистическая диалектика и теория отражения в свете «Онтогносеологии» М.А. Лифшица. Онтогносеология. Познание.

Лазуткин В. (Москва). Диалектика отражения: ideale, ideell, ideelle, ideal.

Свирида С. (Москва). Место чувственно-эмоционального в концепции рациональности ортодоксального марксизма.

Цивилизация. Общество. Социология

Гергилов Р. (СПб.) Цивилизация и децивилизация. Предварительные итоги современной дискуссии.

Котов Ж. (Днепропетровск). О предназначении человека как родового существа.

Политика

Соловьев С. (Москва). Сталинизм как проблема философии М.А. Лифшица.

24 мая 2013

Онтогносеология. Познание

Щелкин А. (СПб.) Самонадеянность субъекта перед лицом «самораскрывающегося бытия».

Шор Ю. (СПб.) Объективная истина Мих. Лифшица.

Цивилизация. Общество. Социология

Марков Б. (СПб.) Феномен и категория «отчуждения» у Г. Лукача и М. Лифшица.

Попадюк Н. (Москва). Онтогносеологический взгляд на субъектность производственных отношений.

Некрасов С. (Екатеринбург) Сохранение цивилизационного кода России при переходе к неоиндустриальному этапу развития.

Божсков О. (СПб.) «Норма» и «нормальное» как социологические категории. В русле идей Мих. Лифшица.

Политика

Секацкий А. (СПб.) Формат исторической истины и переходящее знамя пролетариата.

Искусство

Фатенков А. (Нижний Новгород). Поэтическая онтогносеология М.А. Лифшица.

Павлов П. (Новочеркасск). Истина — искусство — мимезис.

Суханов В. (Москва). Проблема осознания образа в музыке Вагнера и Чайковского.

К сожалению, но в точном соответствии с любимой сентенцией Наполеона («Нет ничего более редкого, чем план»), не все задуманное удалось осуществить. Несколько докладчиков не добрались до Петербурга. За свой счет преодолеть расстояния, которые даже всеильный император Николай I называл «проклятием России», да еще прожить несколько дней в совсем не дешевых гостиницах Санкт-Петербурга — эта финансовая роскошь сегодня далеко не по плечу многим теперешним представителям умственного пролетариата. Устроители конференции, как могли, старались смягчить удары рыночной реальности. Отдельное спасибо сотруднику СИ РАН О. Божкову, который дружески принял у себя дома как дорогих гостей нескольких участников конференции.

Тем не менее, для дебюта, может быть, это совсем и неплохая статистика: в конференции приняло участие более 40 человек, среди них 7 докторов наук, 12 кандидатов, 12 студентов и аспирантов. Участники конференции представляли 11 научных организаций Москвы (11 чел.), Петербурга (27 чел., в том числе 11 сотрудников СИ РАН), Петрозаводска, Нижнего Новгорода, Новочеркаска, Ульяновска. В течение двух дней было сделано 15 докладов.

С предметной и содержательной стороны петербургская встреча показала, что растет нешуточный интерес к творчеству Мих. Лифшица даже у тех исследователей, которые в силу чисто хронологических причин не были свидетелями его живого и какого-то гальванизирующего присутствия в советское время. Сквозняки времени засыпают песками забвения еще недавно столь модные имена лиотаров, делезов и бодриаров, без которых не мог, кажется, состояться ни один софистицированный дискурс. И те же ветры современности возвращают нам имена мыслителей, которые были талантливы и убедительны в той простой истине, что самонадеянность субъекта выглядит разоблачающе и наивно перед «самораскрывающимся бытием». Голосом Мих. Лифшица вновь заговорила философская традиция: «Не мы мыслим, а бытие мыслит в нас и нами». И когда мы этим высокомерно и даже агрессивно пренебрегаем, мы попадаем в «постмодернистскую ловушку» эрозии цивилизации.

Конференция не оставила сомнения — «тема Лифшица» по-настоящему только начинается. Когда-то она была подвижна незаурядными интеллектуальными усилиями самого автора, а «советская действительность» драматически ему ассистировала. Сегодня, когда уже 30 лет нет с нами Мих. Лифшица, единственным «онтологическим дирижером» стал кризис цивилизации (так легко узнаваемый на отечественных просторах), так что философскому сообществу людей «доброй воли» остается то, что остается — «быть голосом этого кризиса», а не усугублять его «культурным» и «цивилизационным» релятивизмом. «Релятивизм — диалектика дураков», по бескомпромиссному выражению Мих. Лифшица. Правда, сегодня этот энтузиазм глупости родом не только из академического дис-

курса. Он как-то неплохо себя чувствует на рынке мировоззренческих и политических идеологем.

Теперешний интерес к «линии Лифшица» в российской философии и социологии сам до некоторой степени извилист и не прост для тех, кто начинает осваивать этот путь. Конференцию не удалось бы провести на том уровне, которым ее организаторы могут быть вполне удовлетворены без того вклада, который внесли в нее ряд докладчиков и, прежде всего, В. Арсланов, Б. Марков, А. Муравьев Г. Тульчинский, А. Секацкий, Ю. Шор и др. Особенно хотелось отметить многолетний и огромный труд, который осуществляет Виктор Арсланов не только на поприще развития идей своего учителя, но и публикации новых материалов из огромного архива Мих. Лифшица, а также старых работ мастеров, которые давно стали библиографическим раритетом. Без дискуссионного энтузиазма Виктора Григорьевича конференция много бы потеряла по своей сути. Конференция дала повод проф. Г. Тульчинскому проанализировать гуманитарную ситуацию в сегодняшнем «обществе потребления» и «цивилизационного риска»: факт намного драматичнее, чем во времена Мих. Лифшица — «социализация — это уже не приобщение к норме, а испытание на разрыв самой нормы». На стороне какого «исторического» и «критического субъекта» эпистемологическое преимущество видеть современную ситуацию адекватно и практически — под знаком такого вопроса рассуждал в своем интересном и провокативном докладе известный эссеист А. Секацкий. Ответ докладчика в том смысле, что речь могла бы идти об «арт-классе» художников и авторов больших креативных проектов, вызвал ряд встречных вопросов. Проф. Ю. Шор, руководствуясь подобием диалектического компаса, предложил свое видение исторического метаморфозиса культуры, когда после эпохи «классического» отношения к миру и пришедшего на смену модернизма / постмодернизма, можно предположить возрождение своеобразной *неоклассической парадигмы*, свободной от эксцессов релятивизации и деонтологизации научной картины мира, чем так пресыщено богата эпоха Модернити. Размеры данной публикации не позволяют, однако, остановиться и на других интересных выступлениях и мнениях, высказанных на конференции в дискуссионном порядке. Достаточно сказать, что в планы участников и организаторов встречи входит выпуск материалов конференции отдельным изданием.

...Когда-то уже в далеком 1978 г. Мих. Лифшиц написал одну из лучших своих статей — «Чего не надо бояться». Статья начиналась так: «В те времена, когда еще не было самолетов, летящих быстрее звука, люди искали вечную, нетленную истину. А в наши дни они настолько привыкли к постоянному изменению своих знаний о мире, что всякое цельное мировоззрение пробуждает у некоторых из них чувство недоверия. Если истина уже открыта и значение ее распространяется на все области жизни, что будет делать человечество? «Скучища неприличнейшая», — сказал черт Ивану Карамазову».

Вопрос Мих. Лифшиц задал как бы с позиций и в пользу расхожего мнения – не только публики обывательской, но и публики более интеллектуально продвинутой и заточенной на «Современность» – Modernity. Ответ Мих. Лифшица звучит с такой шокирующей убедительностью, что единственной спасительной реакцией для бесхарактерных «плюралистов» и «постмодернистов» стало молчание. Реакции, можно сказать, никакой. А «игра в Лифшица» сегодня, как никогда, очень даже стоит свеч. И все потому, что речь идет о том, *чего* действительно не надо бояться, а точнее, *чем* не надо искушать постсовременное общество, резиденты которого теряют подчас ориентацию в либеральном пространстве финансовой, политической и особенно культурной практики.

Надеюсь, что читатель, заинтересованный темой по имени «Мих. Лифшиц» и не бросивший читать эти заметки о конференции на первом абзаце, получит удовольствие от реминисценций замечательного текста 1978 г. и тех ассоциаций, которые неизбежны и так необходимы сегодня:

«Формула “раз и навсегда” звучит слишком резко для нашего уха, но если читатель захочет подумать, то он найдет, что раз навсегда совершалось на свете множество вещей. Когда-то наш отдаленный предок стал на ноги и пошел... Однако закон развития вовсе не требует от него, чтобы он снова стал на четвереньки или начал ходить на голове. Нет ничего постоянного в мире, но

То, что жизнью взято раз,
Не в силах рок отнять у нас.

И если нам удастся навсегда сохранить вертикальное положение тела, то диалектика в обиде не будет, и такое постоянство достигнутого едва ли можно рассматривать как застой... Мы не знаем, что может устареть в будущем, но твердо знаем, что есть идеи, которые не устареют, и есть границы, отделяющие мысль ученого, способного заблуждаться, от простого “бессмыслия”... Постоянно слышны громкие рассуждения о преимуществах плюрализма по сравнению с единством взглядов. О том же хлопочут “неомарксисты”, “бездомные левые”, “новые левые”, а иногда и старые левые и правые. Если во всем этом шуме присутствуют элементы честных поисков истины, то люди стучатся не в ту дверь...

Согласно модным философским теориям, всякое единство идеологии “репрессивно”. Но так ли это? Нетерпимость, подавление свободы совести отвратительны и, главное, бесполезны, ибо ведут к обратным результатам. Но откуда вы взяли, что “репрессивность” связана с единством идеологии? Она прекрасно уживается с так называемым плюрализмом и широко пользуется анархией мысли для подавления всякого серьезного деятельного инакомыслия... Основная мысль плюрализма состоит в том, что существует множество жизненных позиций, структур и умственных схем. Все они одинаково хороши, все правы на свой особый лад, все “непрозрачны” друг для друга. Эта банальность нашего века поддерживается тем, что громадное количество накопленных фактов истории, культуры, искусства и философии само по себе оказывает давящее влияние на

мозговой аппарат среднего человека, внушая ему идею релятивизма, отсутствие всякой сравнимости, внутренней системы ступеней в пестром хаосе форм... “Давящая (репрессивная) терпимость” ничем не лучше принудительного единомыслия и часто с ним сочетается, но она гораздо хуже единомыслия добровольного. К нему и нужно стремиться, а делать всеобщий характер истины пугалом, ответственным за “репрессивность”, — это значит, как уже сказано, стучаться не в ту дверь...

По поводу новейших “измов”... Между такими заменителями истины и “рациональным зерном” классической философии сама история провела заметную разделительную линию. Стирая эту диалектическую грань, вы становитесь активным носителем умственного разброда, воинствующей эклектики. Ибо нет двух равноправных традиций в истории культуры — классической и модернистской... Наше понимание потока новых проблем не должно превратиться в мыльный порошок, стирающий все координаты, без которых невозможна верная ориентация в царстве мысли.

И в заключение хотелось бы обнадежить себя простым и естественным в нашем случае упованием на то, что интерес к творческому наследию Мих. Лифшица выражает не только потребность российского общества в сохранении этого духовного катализатора в корпусе отечественной мысли, но благодаря коллективным усилиям людей науки, культуры и доброй воли майский (2013 г.) дебют петербургской конференции станет стартом в постоянные, скажем, раз в два года, «биеннале» лифшицевской мысли в сложном и часто довольно мутном пространстве Ее Величества Постсовременности.

БИБЛИОГРАФИЯ ГЛАВНЫХ ИЗДАНИЙ МИХ. ЛИФШИЦА (книги и статьи):

1. Вопросы искусства и философии. — М.: Художественная литература, 1935.
2. Дневник Мариэтты Шагинян // Новый мир. 1954. № 2. С. 206 — 231.
3. «Философия жизни» И. Видмара // Новый мир. 1958. № 12. С. 210 — 234.
4. Ветер истории // Советская культура. 1960. 26 ноября. С. 1 — 2.
5. В мире эстетики // Новый мир. 1964. № 2. С. 228 — 251.
6. Либерализм и демократия // Вопросы философии. 1968. № 1.
7. Кризис безобразия (совместно с Л.Я. Рейнгардт). — М.: Искусство, 1968.
8. Карл Маркс. Искусство и общественный идеал. — М.: Художественная литература, 1972; 2-е изд., 1979.
9. Искусство и современный мир. — М.: Изобразительное искусство, 1973; 2-е изд., доп., 1978.
10. Мифология древняя и современная. — М.: Искусство, 1980.

Посмертные издания:

1. Об идеальном и реальном // Вопросы философии. 1984. № 10. С. 120 — 145.
2. В мире эстетики. — М.: Изобразительное искусство, 1985.
3. Собрание сочинений: В 3 т. — М.: Изобразительное искусство, 1984 — 1988.
4. Поэтическая справедливость. Идея эстетического воспитания в истории общественной мысли. — М.: ТОО «Фабула», 1993. (Подготовка текста и послесловие Л.Я. Рейнгардт.)